

Никогда еще музыка Йозефа Гайдна не звучала в Австрии так широко, как в этом году, когда исполняется 250 лет со дня рождения великого композитора. С самого начала международного Года Гайдна его симфонии, оратории, органная музыка, скрипичные квартеты и вокальные произведения исполняются в Австрии ежедневно и повсеместно: в лучших концертных залах Вены и Зальцбурга, в старинных храмах, по радио и телевидению, на народных праздниках.

В юбилейном году в Австрии появился целый ряд книг и статей, в которых заново осмысливается жизненный путь Йозефа Гайдна. Отмечаются нелепые наслоения двух веков, появившиеся в результате слишком доверчивого отношения к воспоминаниям и запискам его современников, среди которых нашлись враги и недоброжелатели, а также к некоторым

и без ознакомления и милостивого разрешения графа ни для кого другого музыки не писать».

В ТАКОМ положении Гайдн находился долгие годы в пору самого расцвета своего творчества. Утешением для него служил вытесованный им замечательный оркестр. Именно в этот период, как пишут австрийские музыковеды, Гайдном был найден оптимальный состав так называемого классического (малого) симфонического оркестра, разработаны впервые или усовершенствованы музыкальные формы для исполнения симфоническим оркестром и другими симфоническими ансамблями тех или иных произведений. Учителей и предшественников у Гайдна по сути не было. Влияние со стороны других композиторов он ощутил поздно, уже в преклонные годы, когда вырвался на волю из замка Эстерхази.

дены. Среди них оказался секретарь Эстерхази. По ходу следствия выяснилось, что он вместе с неким Йоханом Петером совершил святотатство «в научных целях». Будучи приверженцами модного учения, согласно которому по форме черепа можно определить способности человека, они собирают коллекцию черепов выдающихся людей. Лишь в 1895 году череп Гайдна был передан «по назначению», а в 1954 году в Эйзенштадте состоялась третья, «торжественные похороны» композитора.

В 1959 ГОДУ в Австрии отмечалось 150-летие со дня смерти Йозефа Гайдна. На торжественных юбилейных концертах его называли основоположником симфонической музыки и величайшим новатором. Однако одновременно венские газеты с прискорбием отмечали постыдные и непростительные факты, свидетельствующие о забвении памяти великого музыканта. Только на самому юбилею спешно взялись ремонтировать дом на Гайднгассе в Вене и превратить его в музей. Еще незадолго до его открытия музей был закрыт «по причине опасной ветхости здания». Еще печальнее обстояло дело с крестьянским домом в селении Рорау. Оказалось, что он был занят под конюшню. И хотя о том, что в этом доме родился и провел свое дет-

МАЭСТРО

и его наследники

ранним критикам и биографам Гайдна, не сумевшим оценить по достоинству труд великого музыканта.

Йозеф Гайдн родился в доме под соломенной крышей в селении Рорау, в семье полукрепостного каретника, служившего у графа Эстерхази. Детство было нелегким («битье больше, чем еды и ученья», — вспоминал Гайдн на склоне лет). У мальчика был нежный и чистый голосок. Местный священник обратил на него внимание, и маленького сына каретника увезли по его протекции в далекую по тем временам Вену, где он стал «певчим мальчиком» в церковном хоре. Когда у подростка начал ломаться голос, из хора его вывели, и он стал искать себе пропитание случайными заработками уже как музыкант, умевший играть на скрипке и почти на всех других известных в то время инструментах. Гайдна заметили, и он оказался, наконец, во дворце графа Эстерхази, который слыл в империи владельцем не только лучшего оркестра, но и едва ли не лучшей оперной труппы. Во всяком случае, императрица Мария Терезия не раз говаривала: «Чтобы посмотреть хо-

Написал Гайдн невероятно много. Одних только найденных и пронумерованных симфоний насчитывают теперь 104, но полагают, что их было значительно больше. А кроме того, множество других симфонических произведений, несколько опер, ораторий, десятки вокальных и хоровых произведений. Вершинами творчества Гайдна считают его оратории «Сотворение мира» и «Времена года». Утверждают, что он уступает своим ученикам: Моцарту — как оперный композитор, Бетховену — как симфонист, но в ораториях Гайдна не превзошел никто. Моцарт, младший современник Гайдна, оказавший несомненное воздействие на позднее творчество композитора, писал: «Никто не в состоянии делать все: балагурить и потрясать, вызывать смех и глубоко трогать, и все одинаково хорошо, как это умеет Гайдн».

Освобождение Гайдна совпало с Великой французской революцией. В 1790 году умер старый князь Эстерхази, и его наследник, пожелавший прослыть демократом, распустил полукрепостную капеллу. Гайдн уезжает в Лондон, потом отпра-

Гайдн воспевае Природу и ее высшее и разумнейшее проявление — Человека.

Один из крупнейших в Австрии знатоков творчества Йозефа Гайдна музыковед Георг Бройер предлагает интересную гипотезу, которая может служить дополнительным объяснением творческого обновления Гайдна в конце его жизни. «В истории музыки, — пишет Г. Бройер, — сообразуясь с датами рождения, обычно вначале называют Гайдна, затем Моцарта и Бетховена. Между тем Гайдн не только предшественник, но также и последователь Моцарта. Произведения Гайдна, которые и поныне звучат в концертах, были написаны почти без исключения в последний период жизни композитора и несут заметный отпечаток влияния его молодого, рано умершего друга». (Моцарт умер в 1791 году на тридцать шестом году жизни. Гайдн, который был старше Моцарта на двадцать четыре года, скончался в 1809 году).

Георг Бройер развивает свою гипотезу. Он напоминает, что, возвращаясь из первой лондонской поездки, Гайдн познакомился в Бонне с молодым талантливым музыкантом Людвигом ван Бетховеном. Несколько месяцев спустя Бетховен приехал в Вену и стал учеником Гайдна. Весной 1793 года он сопровождал своего старого учителя во время поездки в Бургенланд. Ореол славы не помешал Гайдну по достоинству оценить могучее дарование своего ученика. Г. Бройер утверждает, что оратория «Сотворение мира» имеет характерное бетховенское звучание.

Величие Гайдна определилось еще при жизни. После второй поездки в Лондон Гайдну было присвоено почетное звание доктора Оксфордского университета, парижская Гранд-опера и Петербургское филармоническое общество удостоили его своих золотых медалей. После того как стало известно о глубочайшем почтении к композитору в Англии, Франции и России, к нему стали относиться с большим уважением и отечественные «меценаты». Князь Эстерхази поспешил пригласить к себе в гости «своего» престарелого композитора. Гайдн ненадолго приехал: ведь в Эйзенштадте прошли его лучшие годы — годы бурного творения музыки, открытий, дерзаний, а неподалеку, в селении Рорау, находились могилы отца и матери. Потом навсегда вернулся в Вену.

Гайдн скончался 31 мая 1809 года, в то время, когда в Вену вошли французские войска и Наполеон занял для своей штаб-квартиры летний дворец австрийских императоров Шёнбрунн. Возле гроба покойного побывали только немногие истинные его друзья и почитатели. Осталось воспоминание современника: «...Гайдн лежал в своей комнате одетым в черное. У его ног находились многие почетные медали из Парижа, России, Швеции и другие...» Похороны великого композитора в церковном дворе Гумпендорфа, пригорода Вены, прошли скромно.

Но посмертная слава Гайдна продолжала расти, и спустя 11 лет молодой граф Эстерхази решил перенести останки «своего» композитора в Эйзенштадт, в храмовую усыпальницу. Когда приоткрыли крышку выкопанного гроба, то все невольно ахнули. В гробу лежал человек, одетый в черное, но... без головы. Осквернители могилы были вскоре най-

ство великий композитор, знали многие, у государства «не хватало средств», чтобы выкупить его у нового владельца. По случаю всемирного чествования Гайдна государство все-таки расщедрилось, лошадей перевели в другое место, а в «доме каретника» открыли музей.

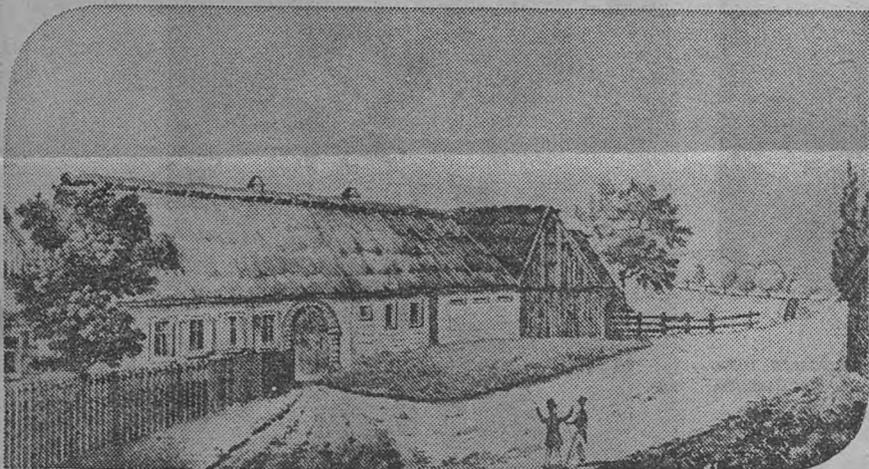
В последние годы приведен в порядок мемориальный музей на Домгассе, 5, в узеньком средневековом переулочке позади собора Святого Стефана — «Фигарохауз», как его называют, потому что в этом невзрачном домишке Моцарт написал лучшую свою оперу «Свадьба Фигаро». Но дом 5 на Домгассе примечателен еще и тем, что он единственный во всем мире, где Гайдн встречался одновременно с обоими своими гениальными учениками — Моцартом и Бетховеном.

В связи с Годом Гайдна приведены в образцовый порядок музеи великого композитора в Вене, Эйзенштадте и Рорау. Открыто несколько выставок, посвященных его жизни и творчеству, выпущено много брошюр, проспектов и концертных программ, на которых Йозеф Гайдн по-прежнему изображен в белом напудренном парике с косичкой, в шелковых белых чулках и в «ливрее капельмейстера». Но эти традиционные портреты не могут теперь исказить облик неутомимого труженика, прожившего нелегкую долгую жизнь и даввшего так много человечеству. Не для чванливых князей и не для католической церкви совершил свой беспримерный подвиг сын каретника из Рорау. О том, кому предназначается его великое наследство, Йозеф Гайдн сказал сам: «Часто, когда я встречал различные препятствия моему труду, когда истощались мои духовные и физические силы, когда становилось тяжело продолжать начатый путь, мне шептало какое-то тайное чувство: на свете так мало счастливых людей, повсюду человека преследуют заботы и печали; может быть, твой труд послужит источником, из которого удрученный человек почерпнет на миг покой и отдых».

Леонид СТЕПАНОВ,
ВЕНА, соб. корр. «Известий».

НА РИСУНКАХ:

- Дом, где родился Гайдн.
- Портрет композитора.

рошую оперу, надо ехать к Эстерхази». (Слово «посмотреть» взято из мемуаров современников. — Л. С.)

Когда Гайдн вернулся к «своему» графу, ему уже было около тридцати, и столько же лет он прослужил потом во дворце Эстерхази. Положение капельмейстера у чванливых, надменных господ было далеко не из приятных. «Позади камердинера и впереди судомойки», — заметил однажды с сарказмом Моцарт, сам испытавший в молодости подобные унижения.

Белый напудренный парик, шелковые чулки и камзол были для капельмейстера обязательными, как ливрея застольных лакеев. Сохранились документы, в которых перечисляются обязанности Гайдна. Он должен появляться во дворце Эстерхази одетым по предписанной форме, в парике с косичкой, «трезвым и напудренным». Дважды в день он должен был осведомляться у секретаря графа, не будет ли у его сиятельства указаний относительно занятий с оркестром и композици. По поводу последнего сделано исчерпывающее разъяснение: свои сочинения капельмейстер «обязан подготавливать исключительно для его сиятельства

вился в другие города и страны. Письма того периода свидетельствуют о том, что он дорожил свободой как самым великим даром судьбы. Неаполитанский король предложил Гайдну место придворного капельмейстера, сулил золотые горы, но престарелый музыкант без колебаний отказался от предложения. Уехав на гастроли в Лондон, Гайдн писал своей подруге Марианне фон Генцингер: «Как сладка свобода...»

Поездки по Европе и встречи с крупнейшими музыкантами обогатили Гайдна, омолодили его душу, придали новые импульсы творчеству. В Лондоне он впервые услышал оратории Генделя, и это побудило Гайдна написать замечательные оратории «Сотворение мира» и «Времена года». Обе они пронизаны лучами новых идей, от них веет гуманизмом и свободой, поднятными на щит революционной Франции. Глубоко религиозный человек, написавший немало месс и хоров для католической церкви, Гайдн пишет после поездки по Европе оратории, которые, несмотря на их библейский сюжет, стали смелым вызовом церковным канонам. «Музыка служит божественному», — твердила всегда католическая церковь. А Йозеф